

И. Наживин

Записки о революции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Наживин**
Записки о революции / И. Наживин – М.: Книга по Требованию, 2014. –
336 с.

ISBN 978-5-458-41833-1

ISBN 978-5-458-41833-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Памяти павшихъ подъ трехцвѣт-
нымъ знаменемъ за нашу старую
Россію, — Великую, Единую, Недѣ-
лимую, — съ безконечной скорбью,
глубокимъ уваженіемъ и горячей
любовью посвящаю эту книгу.

Отъ автора.

Эта книга о русской революціи является пятымъ томомъ моихъ записокъ, которыя охватываютъ всю мою жизнь отъ рожденія до текущаго момента и которыя будутъ опубликованы по мѣрѣ возможности.

Точками обозначены въ текстѣ тѣ мѣста, опубликованіе которыхъ преждевременно.

Ив. Наживинъ.

Предисловіе.

Я, сынъ крестьянина Владимірской губерніи, писатель, много лѣтъ стоявшій на очень лѣвыхъ позиціяхъ, почти всю революцію провелъ въ своемъ родномъ селѣ — какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описаны Златовратскимъ въ его „Деревенскихъ Будняхъ“, — въ дѣдовскомъ домѣ, такъ что видѣлъ я ее не изъ окна какой-нибудь петроградской или московской редакціи, а въ самыхъ подлинныхъ низахъ народныхъ. М. Н. Толстой, съ которымъ я долгіе годы былъ близокъ, во время первой революціи не разъ настойчиво говорилъ мнѣ:

— Записывайте, записывайте, записывайте все, что вы видите и слышите! А то потомъ изъ всего этого сдѣлаютъ, какъ сдѣлали изъ французской революціи, какую-нибудь эдакую ученую колбасу и будутъ отравлять ею миллионы людей. Непременно записывайте и какъ можно правдивѣе и точнѣе. . .

Въ книгѣ моей лишь мимолетно говорится о словахъ и жестахъ Керенскихъ, Милюковыхъ, Бронштейновъ и другихъ громкихъ, но пустыхъ героевъ смутныхъ лѣтъ. Главный герой мой — русскій народъ, тотъ народъ, который въ концѣ концовъ и рѣшить судьбы революціи, свои и — наши. И очень, очень боюсь я, что въ условіяхъ его — исторически вполне объяснимой, а потому и оправдываемой, — темноты, отсталости во всемъ, усталости отъ этихъ безумныхъ и кровавыхъ лѣтъ, рѣшеніе его не будетъ самымъ мудрымъ. Во всякомъ

случай уже теперь совершенно ясно одно: желанія идеологовъ революціи и его желанія не одно и то же и никакъ не дасть онъ намъ, его радѣтелямъ, того, чего мы отъ него навѣрно ждали.

Банкротство наше, лѣвыхъ дѣятелей, теперь совершенно несомнѣнно. Если мы не шарлатаны, а честные работники, мы не имѣемъ права теперь, послѣ четырехлѣтнаго „опыта“, приведшаго Россію къ гибели, не пересмотрѣть нашихъ лозунговъ, всей нашей идеологіи и не сказать о результатахъ этого пересмотра массамъ, которыя мы — пусть невольно — ввели въ заблужденіе и, поведя по ложной дорогѣ, погубили. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой-то фельетонистъ предложилъ правительству проектъ: вмѣсто того, чтобы тратить безконечные милліоны на борьбу съ революціей, отдать эти колоссальныя средства революціонерамъ вмѣстѣ съ одной изъ самыхъ богатыхъ областей Россіи съ тѣмъ, чтобы область эту съ помощью этихъ милліоновъ они сдѣлали бы опытнымъ полемъ революціи, на которомъ и примѣнили бы свои теоріи на практикѣ. Если опытъ ихъ удастся, то все человѣчество, конечно, поидетъ за ними, своими спасителями, а если не удастся, придется смириться намъ. Въ наши дни волею судебъ такимъ опытнымъ полемъ стала вся Россія съ ея необъятными пространствами, съ ея колоссальными богатствами. всѣ безъ исключенія вѣшнія препятствія дали съ легкостью прямо волшебной, — твори, создай! . . . И сотворили: въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ богатаго, стараго и красиваго дома остался только пенекъ да безобразно торчащія обгорѣлыя трубы, а среди всего это разрушенія, и срама, и крови, — зѣвобразное, страшное, безумное существо, бывший хозяинъ стараго дома. . .

Мнѣ хочется надѣяться. — хотя и не велика эта надежда, — что мои бывшіе единомышленники, то есть, все лѣвое крыло нашей общественности, выслушаютъ меня терпѣливо

и безъ раздраженія: наше положеніе битыхъ обязываетъ къ смиренію. Мы представляли себѣ нашу роль въ исторіи, какъ какой-то триумфальный маршъ по вершинамъ вѣковъ въ поученіе всѣмъ народамъ. Мы ошиблись: намъ предстоитъ не свѣтлое торжество побѣдителей, а униженіе и позоръ побѣжденныхъ и медленная, незамѣтная и тяжелая работа по исправленію нашихъ страшныхъ ошибокъ, работа, плодовъ которой не увидятъ, можетъ быть, даже и наши дѣти. . .

I.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1917 г. газеты вдругъ оборвались и по деревнямъ поползли темные, зловѣщіе слухи о какихъ-то крупныхъ событіяхъ въ Петроградѣ. Какъ-то вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ изъ земской больницы дѣвочка-телефонистка: кто-то вызываетъ меня изъ города къ аппарату. Я пришелъ къ телефону, — оказалось, со мной хочетъ подѣлиться новостями одинъ изъ моихъ земляковъ, Федоръ Буяновъ, негдуный паренъ, но съ большой хитрпикой, служившій до того долгое время въ Москвѣ приказчикомъ, а теперь, освобожденный, благодаря туберкулезу легкихъ, отъ военной службы, и мирно спекулировавшій на сахарѣ, маслѣ, мукѣ и проч.

— Переворотъ полный, Иванъ Федоровичъ... — вzwолнованно сообщилъ онъ. — Государь подписалъ отречение...

— Кто же на его мѣсто?

— Какъ будто, никто... Республика...

— Не можетъ быть!...

— Какъ будто выходитъ такъ...

Я пошелъ домой, полный самой тяжелой тревоги: съ первыхъ же минутъ понять я, что будетъ значить республика въ нашихъ русскихъ условіяхъ при 75% безграмотныхъ, при повальной продажности нашей, при озлобленіи народа, при остервенѣлой, лишенной всякой сдержанности борьбѣ нашихъ малокультурныхъ политическихъ партій.

А между тѣмъ ближайшіе же дни подтвердили страшное сообщеніе моего спекулянта. . .

Наша деревня первые дни какъ-то затаплась, сдерживалась, точно еще не вѣря случившемуся, остерегаясь, чья еще тамъ возьметъ. а потомъ начались митинги и все зашумѣло недобрымъ шумомъ.

Разъ какъ-то, въ началѣ первой нашей революціи. я бесѣдовать о ней со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Миѣ, тогда еще очень „революціонно настроенному“, было тяжело его рѣзко отрицательное отношеніе къ революціонерамъ, которое онъ съ такой прямою и такимъ мужествомъ выражалъ тогда въ своихъ писаніяхъ.

— И вы особенно удивляете меня. . . — сказали старики, останавливаясь среди сѣвжныхъ полей. — Вѣдь вы знаете народъ не изъ окна какой-нибудь петербургской редакціи. . . Ну, скажите по совѣсти: кто первый присталъ въ деревнѣ къ революціи? . . .

Я — увы! . . . — зналъ, кто присталъ къ ней первымъ, но говорить не хотѣлось.

— Ну? . . .

Онъ ждалъ.

— Далеко не лучшіе, Левъ Николаевичъ. . .

— Какъ вы деликатно выражаетесь! . . . — усмѣхнулся онъ. — Пристали въ первую голову худшіе, нигкуда негодные. . . Такъ неужели же выводъ не ясенъ? . . .

То же повторилось и въ эту революцію: и въ деревняхъ, и въ городахъ. и всюду съ жадностью невѣроятной въ первые ряды очень быстро протискалось все самое ограниченное и тупое, все озлобленное и мстительное, все самоувѣренное и горластое и заполонило собою все и закружилось въ безконечной карусели чужихъ автомобилей и запоздѣлыхъ, но совершенно пустыхъ рѣчей. Тѣ немногіе идеалисты, которые думали было вести „поднявшійся“ народъ въ открытую или

землю обѣтованную, были быстро затерты этой шпанкой революціи, отброшены прочь, объявлены контръ-революціонерами, и обезумѣвшія толпы, забывъ все и вся, съ криками „сарынь на кичку“, бросились на разграбленіе Россіи, то есть, своего дома, самихъ себя. . .

У насъ, въ Булановѣ, первую скрипку схватили наши учителя, Шиповъ и Скобениковъ, молоденькіе мальчишки-недоучки, столь обычные. къ несчастью, въ нашей народной школѣ, составляющіе главный контингентъ нашего деревенскаго учительства. Скобениковъ еще пытался быть на что-то похожимъ и бралъ у меня читать журналы. не понимая въ нихъ безъ толмача и десятой доли: это былъ типичнѣйшій неврастеникъ, страдавшій къ тому же порокомъ сердца и туберкулезомъ, и стоило ему заговорить, какъ тотчасъ же онъ закусывалъ удила и лѣтъ, не помня себя. куда кривая ни вынесетъ. А потомъ самъ часто каялся въ томъ, что наговорилъ.

— Никакъ не могу съ языкомъ своимъ справиться . . .
— говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, смущенно улыбаясь.

— А вы его, подлеца, отрубите . . . — посовѣтывалъ ему разъ кто-то жесткій.

Другой, Шиповъ, маленькій, худенькій, съ исковерканнымъ лицомъ дегенерата — отецъ его былъ рабочій-алкоголикъ сперва и сумасшедшій потомъ — былъ весь пропитанъ одновременно и какимъ-то нестерпимымъ подхалимствомъ, и ядомъ. Когда прѣзжалъ къ намъ изъ города попечитель школы, Владиміръ Мпхайловичъ, Шиповъ неизмѣнно состоялъ при немъ въ качествѣ лакея-добровольца и соглядатая, подавалъ ему чай и туфли, вѣлъ его ѣду, курилъ изъ его портсигара и сплетничалъ. Въ свободное отъ занятій время этотъ совершенно малограмотный прохвостъ пьянствовалъ съ мѣстными кулаками и въ пьяномъ видѣ билъ жену. Теперь, когда переворотъ совершился, Шиповъ заломилъ шанку набекрень,

украсилъ себя краснымъ бантомъ, куда-то все бѣгалъ, о чемъ то все шушукался . . .

И на всѣхъ митингахъ, со столовъ и заборовъ, эти два новоявленныхъ вождя народныхъ кричали: „теперь все ваше! . . .“ И замѣчательно: народъ въ большинствѣ случаевъ относился къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, но выступить противъ ихъ открыто никто не рѣшался — чуть что, и горлопаны начинали дружно орать: „а-а, такъ ты за старый режимъ? . . .“ и объявляли своего противника врагомъ революціи и народа . . .

Я, конечно, не могъ желать возврата стараго, но съ другой стороны я еще болѣе не могъ „работать“ съ горлопанами и проходимцами, которые оралъ „теперь все ваше“ и всячески льстили новому господину, и потому съ первыхъ же дней я опредѣленно отстранился отъ участія въ этомъ кровавомъ водевилѣ, оставивъ себѣ скромную роль свидѣтеля событій.

У насъ въ округѣ, слава Богу, никакихъ событій еще не было, если не считать безтолковыхъ митинговъ, но материала для лѣтописца было достаточно въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя изрекала наша деревня о томъ, что дѣлалось въ столицахъ, гдѣ, конечно, былъ шумъ, гремѣли вѣти, вроде Керенскаго, и, развивая энергію прямо невѣроятную, изъ конца въ конецъ носились по стогнамъ автомобили, эти шустрыя ласточки революціи. Автомобильныя шины стоили въ то время болѣе 4000 рублей за станъ, и никому изъ этихъ революціонныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ автомобиляхъ и въ голову не приходило спросить себя: да стою ли я со всей моею „дѣятельностью“ этихъ дорогихъ шинъ, которыя я съ такимъ усердіемъ трещу? А тѣмъ временемъ мы, собравшись гдѣ-нибудь на завапникѣ, разъясняли одинъ другому медлительно и нудно, что республика это когда царь бываетъ вроде какъ староста, выборный: хороши — ходи еще три года, не уго-